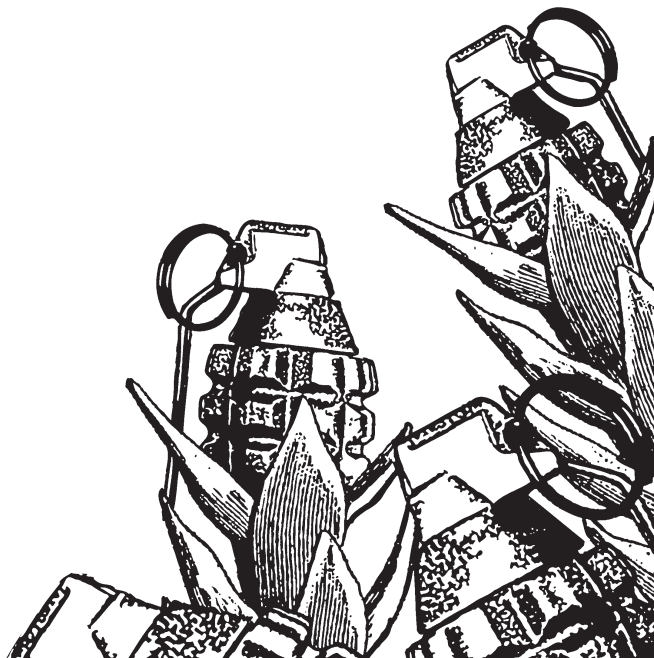

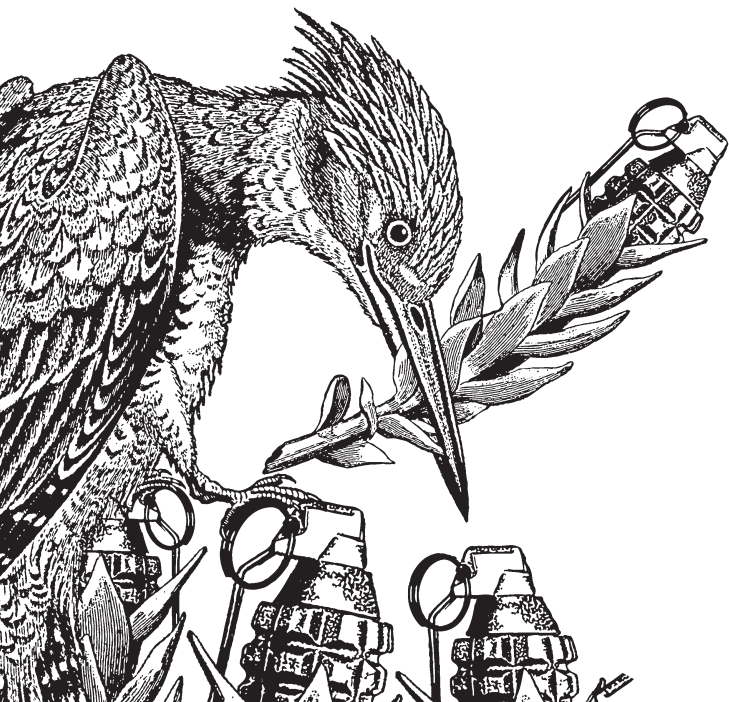
САМАНТА ШВЕБЛИН

ДИСТАНЦИЯ СПАСЕНИЯ

SAMANTA SCHWEBLIN

DISTANCIA DE RESCATE

САМАНТА ШВЕБЛИН

ДИСТАНЦИЯ СПАСЕНИЯ

Перевод с испанского
Натальи Богомоловой

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44
Ш34

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Швеблин, Саманта

Ш34 Дистанция спасения : роман / САМАНТА ШВЕБЛИН; пер. с исп.
Н. БОГОМОЛОВОЙ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2018. — 160 с.

ISBN 978-5-17-106161-6

Героиня книги снимает дом в сельской местности, чтобы провести там отпуск вместе с маленькой дочкой. Однако вокруг них сразу же начинают происходить странные и загадочные события. Предполагаемая идиллия оборачивается кошмаром. В этой истории много невероятного, непостижимого и недосказанного, как в лучших латиноамериканских романах, где фантастика накрепко сплавляется с реальностью, почти не оставляя зазора для проверки здравым смыслом и житейской логикой. Автор с потрясающим мастерством сочетает тонкий психологический анализ с предельным эмоциональным напряжением, но не спешит дать ответы на главные вопросы. В поиске этих ответов особая роль отводится читателям — за ними последнее слово.

Саманта Швеблин (1978) — аргентинская писательница, первые книги ее рассказов сразу привлекли к ней внимание публики и критиков и принесли несколько литературных премий. Британский журнал *Granta* назвал Швеблин в числе лучших молодых прозаиков, пишущих на испанском языке. Книга “Дистанция спасения” вошла в шорт-лист Международной буковерской премии и уже переведена на многие языки.

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44

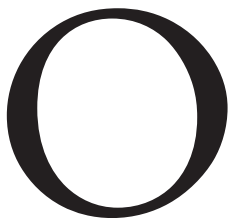
ISBN 978-5-17-106161-6

- © Samanta Sweblin, 2014
- © Patrice Ganda, иллюстрации на обложке
- © Н. Богомолова, перевод на русский язык, 2018
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018
- © ООО “Издательство АСТ”, 2018
- Издательство CORPUS ®

Моей сестре Памеле

В первый раз за долгое время она опустила глаза и посмотрела на свои руки. Если и с вами когда-нибудь такое случилось, вы поймете, о чем я говорю.

ДЖЕССИ БОЛЛ
Комендантский час

ни похожи на червей.

На каких именно червей?

Просто на червей, потому что они повсюду.

Это говорит мальчик, вернее, шепчет мне на ухо, а вопросы ему задаю я.

Они, эти черви, внутри, в теле?

Да, в теле.

Земляные черви?

Нет, совсем другие.

Вокруг темно, и я ничего не вижу. Простыни жесткие, они сбиваются подо мной в складки. Не могу даже пошевелиться, говорю я.

Это из-за червей. Надо набраться терпения и ждать. А тем временем давай попробуем отыскать точное место, где появляются черви.

Зачем?

Это очень важно, для всех важно.

Я пытаюсь кивнуть, но тело меня не слушается.
Мальчик спрашивает:

А что еще происходит в саду, там, у твоего дома? Я тоже в саду?

Нет, тебя там нет, а вот Карла, твоя мама, она там. Я познакомилась с ней несколько дней назад, когда мы только-только поселились в этом доме.

Что делает Карла?

Допивает свой кофе и ставит чашку на траву рядом с шезлонгом.

А потом?

Встает и уходит, правда, забывает надеть шлепанцы, они так и остаются на лесенке у бассейна, но я ничего ей про шлепанцы не говорю.

Почему?

Хочу посмотреть, что она собирается делать.

Ну и что она делает?

Вешает сумку на плечо и направляется к машине прямо в своем золотистом купальнике. Нас с твоей матерью как-то сразу потянуло друг к другу, правда, иногда случаются короткие вспышки взаимной неприязни, у меня точно случаются, но такого рода перемены настроения зависят от конкретной ситуации. Скажи, а ты уверен, что мне

так уж надо непременно останавливаться на мелких деталях? Разве у нас есть на это время?

Детали, они очень важны. А как вы с Карлой оказались в саду?

Мы только что вернулись с озера, но твоя мама наотрез отказалась зайти к нам в дом.

Она не хочет причинять тебе лишнего беспокойства.

А что она, интересно знать, называет беспокойством? Зато теперь мне приходится бегать туда-сюда — сначала за лимонадом, потом за кремом от солнца. Вряд ли это значит не причинять мне лишнего беспокойства.

Скажи, зачем вы ездили на озеро?

Она хотела, чтобы я поучила ее водить машину, сказала, что с давних пор мечтает сесть за руль, но, когда мы оказались у озера, ни у нее, ни у меня не хватило на урок терпения.

Что она сейчас делает в саду?

Открывает дверцу моей машины, садится за руль и что-то ищет у себя в сумке. Я приподнимаюсь с шезлонга, спускаю ноги на траву и жду. Слишком жарко. Потом Карле надоедает рыться в сумке, и она обеими руками берется за руль. Так и сидит какое-то время, глядя на ворота, а может,

куда-то за ворота — например, на свой дом, который стоит чуть дальше.

А еще что? Почему ты замолчала?

Знаешь, я как-то вязну в этом рассказе, и, хотя все прекрасно вижу, иногда мне бывает трудно продвигаться вперед. Скажи, это из-за лекарства, которое вкалывают мне сестры?

Нет.

Но ведь я умру через несколько часов, правда, умру? Странно только, что я так спокойна. И хотя ты ничего мне про это не говоришь, я все равно все понимаю, но только вот признаться себе самой в чем-то таком совершенно невыносимо.

Все это не важно. Мы только зря теряем время.

Но ведь это правда, да? Правда, что я умру?

Что еще происходит в саду?

Карла опускает голову на руль, ее плечи едва заметно вздрагивают, она плачет. А как ты думаешь, мы сумеем отыскать точное место, где появляются черви?

Продолжай и не упускай ни одной детали.

Карла не издает ни звука, но я уже не могу оставаться на прежнем месте. Встаю и иду к ней. Карла понравилась мне сразу, в тот самый день, когда я впервые увидела ее. Она несла два пластмассовых

ведра под палящим солнцем. На ней был рабочий джинсовый комбинезон. Рыжие волосы собраны в большой пучок. Со времен своей юности я ни у кого не встречала такой прически. Я первая предложила ей лимонада, а потом, на следующее утро, пригласила выпить со мной mate — и на следующее тоже, и еще на следующее. Скажи, это важные детали?

Точное место, оно наверняка таится в одной из деталей, будь очень внимательна и ничего не упускай.

Я иду по саду. Огибаю бассейн и через большое окно заглядываю в столовую. И вижу, что Нина, моя дочка, по-прежнему спит в обнимку с большим плюшевым кротом. Потом я сажусь в машину, с другой стороны, рядом с водительским местом. Но дверцу оставляю открытой, да еще опускаю стекло, потому что внутри тоже очень жарко. Пучок на голове у Карлы слегка перекосялся и съехал набок. Почувствовав, что я в машине, опять рядом с ней, Карла откидывается на спинку кресла и смотрит на меня.

— Если я расскажу тебе об этом, — говорит она, — ты больше не захочешь со мной знаться.

Я раздумываю, как ей ответить: может, отделаться какой-нибудь пустой фразой, вроде “Перестань, Карла, ради бога, перестань, это ведь про-

сто смешно”, — но не говорю ничего и смотрю на ее ступни, крепко стоящие на педалях. Смотрю на пальцы ног, на длинные ноги, на тонкие, но сильные руки. Меня смущает и удивляет мысль, что женщина, которая на десять лет старше меня, выглядит гораздо лучше, чем я.

— Если я расскажу тебе об этом, — говорит она, — ты не позволишь ему играть с Ниной.

— Карла, ради бога, с чего ты взяла, что я не позволю им играть вместе?

— Не захочешь, Аманда, — повторяет она, и глаза ее наполняются слезами.

— Как его зовут?

— Давид.

— Он твой? Твой сын?

Она кивает. Ее сын — это ты, Давид.

Знаю, продолжай.

Она вытирает слезы косточками пальцев, позвякивая при этом своими золотыми браслетами. Я никогда не видела тебя, Давид, но, когда в разговоре с сеньором Хесером, агентом по недвижимости, у которого мы сняли дом на время отпуска, я обмолвилась, что часто встречаюсь с Карлой, он тут же спросил, познакомилась ли я уже и с тобой тоже. Карла сказала:

— Раньше он был моим. Теперь — нет.

Я посмотрела на нее растерянно.

— Больше он мне не принадлежит.

— Карла, сын — это на всю жизнь.

— Нет, дорогая.

У Карлы длинные ногти. Вдруг она взмахивает рукой на уровне глаз, словно показывая на что-то.

Я тотчас вспоминаю про сигареты мужа, открываю бардачок и протягиваю ей пачку вместе с зажигалкой. Она почти выхватывает сигареты у меня из рук, и аромат ее крема от солнца успевает колыхнуться между нами.

— Когда Давид родился, он был похож на солнышко.

— Кто бы сомневался! — говорю я и сразу прикусываю язык, поняв, что до поры до времени мне лучше помалкивать.

— Когда мне в первый раз дали его подержать, я ужасно расстроилась. Мне втемяшилось в голову, что у него нет одного пальца на руке. — При этом воспоминании она улыбается, сжав сигарету губами, потом закуривает. — Но медсестра объяснила, что такое случается после наркоза — человеку запросто может что-то пригрезиться. И пока я дважды не пересчитала все его десять пальчиков,

не поверила, что они у него в порядке. А вот теперь я что угодно отдала бы за то, чтобы проблема свелась к тому, что у Давида всего лишь недостает одного пальца.

— А что с ним такое?

— Он был похож на солнышко, Аманда, правда, на самое настоящее солнышко. Целый день улыбался. А больше всего ему нравилось, когда мы отправлялись куда-нибудь гулять. И еще страшно любил площадь в поселке, до безумия любил, даже когда был еще совсем крошкой. Ты сама уже видела, что с коляской здесь у нас проехать немыслимо. По поселку — легко, но отсюда до площади надо идти мимо ферм и всяких придорожных развалюх — грязь по колено, но ему так нравилось бывать в поселке, что я до трех лет таскала его туда на закорках, а это целых двенадцать куадр¹. Когда он видел горку, начинал визжать от счастья. Господи, ну где же в этой машине пепельница?

Она под панелью. Я вытащила пепельницу и дала ей.

— Тогда-то Давид и заболел, примерно шесть лет тому назад. Время было для нас непростое. Я толь-

¹ *Куадра* — в Аргентине так называют отрезок улицы между двумя перекрестками. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

ко что пошла работать на ферму к Сотомайору. В первый раз в жизни устроилась на работу. Мне было поручено вести у него бухгалтерию, хотя, если честно, никакой бухгалтерией там и не пахло. В основном я приводила в порядок всякие бумаги, ну и помогала что-то подсчитывать, однако работа была для меня еще и своего рода развлечением. К тому же приходилось часто бывать в поселке, решать там разные вопросы, а значит, появлялся повод принарядиться. Ты-то приехала из столицы, у вас в большом городе все по-другому, а здесь для наведения красоты нужен повод, вот работа мне его и давала.

— А твой муж?

— Омар разводил лошадей. Да, ты не ослышалась, он занимался разведением лошадей. Но тогда Омар был совсем другим.

— Кажется, я его видела, когда мы выходили с Ниной погулять. Он проехал мимо на пикапе, я поздоровалась, а он не ответил.

— Ничего удивительного, теперь Омар стал таким, — сказала Карла, мотнув головой. — Когда мы с ним познакомились, он еще улыбался — и разводил скаковых лошадей. Держал их на другом конце поселка, за озером, но, когда я забеременела, он все

свое хозяйство перевел сюда. Здешний дом принадлежал моим старикам. Омар обещал, что, если ему привалит удача, денег у нас будет полным-полно, и тогда мыотремонтируем и даже перестроим наш дом. А я, знаешь, о чем мечтала? Постелить на пол ковры. Да, смех один, конечно, если вспомнить, где мы живем... У Омара были две прекрасные кобылы, от них родились Тристеса Кейт и Гамуса Фина, но их он к тому времени уже продал, они участвовали в скачках, да и до сих участвуют — то в Палермо, то в Сан-Исидро. Потом родились еще две кобылки и один жеребчик, но как звали этих, хоть убей, не помню. Чтобы наладить такой бизнес, надо иметь хорошего жеребца-производителя, и Омар умудрялся арендовать на время самого лучшего. Часть нашего участка он отгородил для кобыл, сзади сделал загон для жеребят, посеял люцерну и только потом, уже со спокойным сердцем, взялся строить конюшню. Договор был такой: ему, по его просьбе, на два-три дня отдавали вроде как в аренду производителя. А когда приходило время продавать жеребят, четверть вырученных денег доставалась хозяину коня. Сумма получалась очень серьезная, потому что, если производитель хороший и за жеребьятами ухаживают как

следует, каждый будет стоять от двухсот тысяч песо до двухсот пятидесяти. Ну вот, взяли мы как-то к себе этого расчудесного коня. Омар, само собой, целый день глаз с него не спускал, ходил следом как зомби, чтобы успеть посчитать, сколько раз тот покроет каждую кобылу. Муж никуда из дому не отлучался, ждал, пока я вернусь со своей работы у Сотомайора, и тогда наступала моя очередь приглядывать за жеребцом. Я из кухни то и дело посматривала в окно, проверяла, там он или нет. Так вот, мыла я как-то днем посуду, и вдруг что-то меня словно кольнуло: а ведь жеребца-то уж какое-то время не видно. Кинулась к другому окну, потом к тому, откуда участок за домом как на ладони, — нигде нет. Кобылы на месте, а жеребца точно черт унес. Хватаю на руки Давида — а он только-только ходить как следует научился и все старался не отставать от меня: куда я, туда и он — и выбегаю во двор. Тут долго гадать не приходится: конь, он или есть, или его нет. Нашему, судя по всему, что-то в башку взбрело, вот он и перемахнул через ограду. Странно, конечно, но иногда и такое случается. Пошла я к конюшне, молясь Богу, чтобы конь туда забрел, однако и в конюшне его не нашла. Тут я подумала про ручей — он

у нас совсем маленький, но если чуть пониже спуститься, конь напиться сможет, а отсюда его видно не будет. Помню, Давид все спрашивал, что такое да что такое, но я посадила его к себе на закорки — и бегом. Сыночек крепко обнял меня за шею, и голосок у него то и дело срывался, потому что я как бешеная носилась туда-сюда. Вдруг Давид как закричит: “Мама, вон он”. И вправду жеребец стоял там, у ручья, и пил воду. Теперь-то Давид меня мамой больше не называет. Ну вот, спустились мы пониже, и Давид попросил, чтобы я его на землю поставила. Я велела к коню близко не подходить. А сама стала потихоньку, мелкими-мелкими шажочками к нему подбираться. Жеребец сперва пятился от меня, но мне терпения не занимать, и скоро он уже вроде бы перестал дичиться. Наконец удалось-таки схватить его за повод. Вот счастье-то! До сих пор прекрасно помню, как у меня от сердца отлегло и я вслух сказала: “Если бы я тебя потеряла, сукин ты сын, все равно что потеряла бы свой дом!” Знаешь, Аманда, это можно было сравнить с тем, как я подумала, что у Давида не хватает одного пальчика на руке. Говорят же: “Нет ничего хуже, чем свой дом потерять”. Но потом, когда случаются вещи пострашнее, ра-

да была бы не только дом, но и жизнь свою отдать, лишь бы повернуть время вспять и попасть опять в то самое мгновение — чтобы бросить повод проклятого коня.

Я слышу, как в нашем доме хлопнула дверь, затянута москитной сеткой, и мы с Карлой разом поворачиваем головы в ту сторону. На пороге стоит Нина со своим кротом. Она еще не до конца проснулась и, наверное, только поэтому не испугалась, когда сразу нас с Карлой не обнаружила. Нина делает несколько шагов, так и не расставаясь с кротом, цепляется за перила и очень старательно преодолевает три ступени, которые отделяют галерею от травы. Карла снова откидывается на спинку сиденья и наблюдает за ней через зеркало заднего вида, но при этом не произносит ни слова. Нина смотрит на свои ноги. После нашего приезда сюда у нее появилась новая забава — она пытается ухватить траву пальцами ног, сперва растопыривая их, а потом сжимая.

— Давид присел на корточки прямо в ручье, так что тапочки у него промокли насквозь, а еще он успел обмакнуть руки в воду и теперь облизывал пальцы. И тут я увидела мертвую птицу. Она лежала совсем рядом с Давидом, буквально в ша-

ге от него, не больше. Я крикнула, чтобы он немедленно вставал, сын тоже испугался, быстро поднялся на ноги, но от страха тут же плюхнулся попойкой в воду. Бедный мой Давид. Я подошла к нему, потянув коня за повод, тот ржал и идти за мной не желал, я же старалась изловчиться, чтобы подхватить сына одной рукой, а потом, сражаясь с обоими, с конем и ребенком, еще и вскарабкаться вверх по склону. Омару я ни о чем рассказывать не стала. Зачем? Что было, то прошло, и теперь все в порядке. Но только вот конь на следующее утро не смог подняться. “А жеребца-то нет, — поначалу сказал Омар, — удрал, видно”. И я чуть не призналась, что накануне конь тоже убегал, но тут Омар увидел, что тот лежит на выпасе. “Фу-ты, черт”, — только и сказал Омар. У жеребца веки распухли так, что не было видно глаз. Губы, ноздри — вся морда — тоже сильно распухли, настолько, что он стал похож на какое-то другое животное, вернее, на какое-то чудовище. Сил у него совсем не осталось, только и мог что жалобно стонать, а Омар сказал, что сердце у коня колотится как локомотив. Он велел срочно вызвать ветеринара. Тут уж и кто-то из соседей прибежал, все страшно переполошились,

суетились, носились туда-сюда, а я почувствовала такое отчаяние, что и сказать нельзя. Вернулась в дом, схватила на руки Давида, хотя он еще спал в своей кроватке, заперлась у себя в комнате, легла с ним на постель, прижала сына к себе и начала молиться. Молилась я как безумная, как никогда в жизни не молилась. Ты, наверное, удивляешься, почему я сразу не кинулась за помощью, вместо того чтобы запирается в спальне, но ведь порой человек просто не успевает осознать всю глубину катастрофы. Чем бы ни отравился конь, тем же самым наверняка отравился и мой Давид, и если конь умирает, Давида тоже не спасти. Я это знала, потому что и прежде понаслушалась и понагляделась много всякого-разного в нашем поселке. Короче, времени у меня оставалось совсем мало — несколько часов, а то и несколько минут, — чтобы принять решение. А сельский доктор? Да когда бы он к нам явился, этот доктор, если и на службу в пункт скорой помощи редко вовремя приходит? Надо было срочно найти кого-то, кто спасет жизнь моему ребенку, любой ценой спасет ему жизнь.

Я по-прежнему наблюдала за Ниной, теперь она сделала несколько шагов в сторону бассейна.